

Сайлас затаил дыхание, его лицо выражало гримасу боли. Его мышцы были напряжены, вены пульсировали, как черви, кожа дымилась, словно под ней пылал огонь. Агнес стояла в стороне, прикусив нижнюю губу, глаза были полны беспокойства. Он находился в таком состоянии уже почти час, но то, что лежало под поверхностью, было еще ужаснее. Даже она чувствовала это - энергию, свернувшуюся вокруг его крови, тянущую ее против божественного тока тела.

Время от времени, по его указаниям, она выливали на него ведро ледяной воды, от чего сразу же шел пар, который на некоторое время отуманивал его, хотя помогало ли это... она не знала. В конце концов, она не могла понять, как вообще человеческое тело может выдержать то, что выдержало его тело. Даже она знала, что прикосновение энергии в любом месте внутри - это практически смертный приговор, а в некоторых частях даже средство казни человека, так как это было так быстро.

И все же, он процветал в ней, в накатывающемся огне, который сжигал даже ее, стоявшую в десяти футах от него, погруженную в холодную мглу. Однако это не было безболезненно, это она знала. С самого начала его лицо было лицом страдающего человека. Его брови заплесали, губы задрожали, а ноздри расширились. Время от времени у него шла кровь - чаще всего из носа, иногда из глаз, губ, ушей, а иногда кожа на теле просто разрывалась и выплескивала горсть крови.

Каждый раз это было ужасающее зрелище, от которого у нее замирало сердце. Даже осознавая, что в глубине души для него это было катарсисом в той же степени, что и тренировкой - самобичеванием в наказание за прошлое, смотреть на это было нелегко. Скорее, наоборот, от этого становилось еще тяжелее - ведь он считал, что заслужил эту боль, несмотря на то, что она придавала ему сил. Ей тоже было больно, но она не могла помочь, как бы ни хотела. Она была чужаком, бродягой, пятном в той внутренней истории, которую он писал.

Пока это помогало, она музицировала. Лишь бы это помогало. Все внезапно прекратилось, его тело расслабилось, когда он открыл глаза. Она не бежала от радости - это случилось уже в третий раз. И, судя по выражению его глаз, он все еще был безуспешен. Он на мгновение застыл на месте, прежде чем ударить кулаком, вырывая в земле канаву. Пот струился ручьями, собранные пряди волос разлетались в разные стороны.

"... ты голоден?" - спросила она, не зная, что еще сказать.

"... да", - ответил он хриплым тоном. "Воды".

"Вот", - она поспешно протянула ему тыкву, которую он опустошил одним движением. "А вот свежий хлеб и кукуруза, если хотите".

"Да", - сказал он, встал и подошел к большому ведру, быстро вымыл торс и подмышки, не обращая внимания на то, что ей пришлось надеть четыре слоя одежды, чтобы не замерзнуть до смерти, пока он ходил в штанах до колен и топless. Затем он сел, прислонившись к стене замка, и стал рассеянно жевать хлеб и кукурузу.

"Как... как это было?" - осторожно спросила она, присаживаясь рядом с ним.

"Я уже близко", - ответил он. "Должно получиться в следующий раз".

"... тогда... почему ты ударил по земле?"

"Хм?" он взглянул на нее. "Чтобы изгнать излишнюю энергию?"

"..."

"..."

"Ты сделал это специально, не так ли?".

"... возможно", - хотя он и пытался скрыть это, улыбка неизбежно закралась на его губы. "По правде говоря, я немного расстроен".

"Почему?" - спросила она.

"Потому что это легко".

"Потому что это... что? Ты с ума сошел?" - воскликнула она в ужасе. "Это не просто! Это просто невозможно! То, что ты делаешь... буквально не может сделать никто другой!"

"Не в этом дело", - вздохнул он. "Здесь нет узких мест. Никакой борьбы. Это просто... плавное плавание. Мне не нужно ни над чем особенно работать, просто бездумно мчаться вперед и злоупотреблять тем, что я не могу умереть".

"... ты можешь умереть", - внезапно сказала она. "Нет, ты умрешь".

"Ты знаешь, что я имею в виду".

"Я не думаю, что ты понимаешь, что имеешь в виду", - добавила она. "Ты слишком оцепенел от смерти, я поняла".

"Ты бы тоже, если бы умирала тысячи раз", - сказал он. "Нет, сейчас, наверное, уже пятизначное число. Но я не жалуюсь. Уверен, что в конце концов я упрусь в стену, так всегда бывает. В конце концов, я бездарный халтурщик".

"Хаааа, ты много чего умеешь, но это не одно из них", - сказала она.

"Кстати, ты испекла этот хлеб?".

"Нет?"

"Вот почему это хорошо", - сказал он.

"... а если бы я сказала "да"? Это был бы самый худший хлеб, который ты когда-либо пробовал?".

"Черт, ты догоняешь".

"Хааа...", - поняла она, что в последнее время часто вздыхает. Но она также больше смеялась.

И чувствовала беспокойство. И нервничала. И надеялась. Радовалась. Возбуждалась. Скорбила. Наконец-то она испытывала человеческие эмоции.

Они больше не разговаривали, ни пока он ел, ни когда закончил, ни когда вернулся к сеансу пыток. Она не знала другого мужчины, который мог бы делать то, что делал он - добровольно идти на такую боль, от которой другие кричали бы до тех пор, пока их легкие и горло не разрушились бы и не сгорели.

И снова его тело, покрытое шрамами, заплатами и, казалось, сломанное, горело, его кожа стала красноватой. Вены пульсировали, мышцы вздувались. Выражение лица плясало, как скорбный лебедь. Губы дрожали.

Время, как и кровь в его жилах, казалось, застыло - его течение было неосвязаемо для реальности перед ней. Для него, а отчасти и для нее, время не имело значения. Она прожила целую жизнь в своих снах. Она прожила тысячи историй в голосах, которые говорили с ней. А он... он, скорее всего, забыл, что время - это вещь. Дни, месяцы, годы и десятилетия для него были просто словами. Вещи, оторванные от реальности.

Однако именно в момент прохождения невидимой вещи мир резко изменился; она почувствовала это сразу. Кровь в его теле полностью пошла против течения, разворачиваясь. Из его плотно сжатых губ вырвался приглушенный рев, все его тело затряслось, словно он сидел на эпицентре землетрясения. Кровь начала вытекать из каждого его отверстия, казалось, окрашивая все внутри и вне его в багрово-красный цвет.

От ужасающего зрелища, от которого ее чуть не стошнило, он внезапно встал, открыв глаза. Они были кроваво-красными, как у дьявола. Не говоря ни слова, он потянулся к мечу, прислоненному к стене, и вытащил его из ножен. Серый цвет стали коротко блеснул, когда он прочертил огромную дугу по направлению вперед.

Все еще не говорящий, все еще красноглазый, все еще истекающий кровью, казалось, задерживающий последний вздох - который, если выдохнуть, унесет с собой последние

жизненные силы - Сайлас встал в боевую стойку, слабо расставив ноги, лицом вперед, меч уперся в поясницу. И он ударил.

Это был сверхбыстрый удар, за которым она, по крайней мере, не смогла уследить. Только его след, пятно, которое он оставил после себя. Однако не успела она как следует зафиксировать даже это, как последовал второй удар. А затем третий. И четвертый. Единственная причина, по которой она могла определить их количество, заключалась в том, что они дули ветром в ее сторону, снова и снова, несмотря на то, что она стояла в стороне, на расстоянии около пятнадцати футов.

Ветер был холодным и нес с собой запах смерти, который испускал клинок; она знала, что даже если его просто задеть, большинство мужчин умрет на месте.

Сайлас продолжал наносить удары до девятого удара; от этого удара все его тело слегка дернулось, а губы разошлись, после чего на свежавыпавший снег хлынула кровь. Однако он не обратил на это внимания, его красные глаза были устремлены на острие клинка. А потом он ударил снова.

Он был другим. Даже она поняла это с самого начала. Не просто другое - нет, оно было не от мира сего. Клинок рванулся вперед и разлетелся вдребезги, куски стали сначала разлетелись, а потом, в первых же футах полета, испепелились. Но, несмотря на это, его движение продолжалось. Клинок больше не был телесным - он полностью состоял из невидимой энергии. Он толкался вперед каждым дюймом своего тела, его кости скрипели, трещали и щелкали, как ветви дерева. И все же он упорствовал.

Хотя она видела все это, она видела это, потому что силы вне ее позволяли ей видеть это - все это произошло менее чем за десятую долю секунды. Сайлас закончил движение и нанес полный удар клинком, которого не было. Мир на мгновение погрузился в тишину и неподвижность, прежде чем громовой рев разбил ее барабанные перепонки, а сильный, сокрушительный ветер впечатал ее спиной в стену. В душераздирающем ужасе она увидела, как деревья гнутся и ломаются под могучим ветром, а направление удара... исчезает.

Там, где Сайлас нанес удар, раньше была толстая, высокая стена - теперь там была дыра, которая тянулась все дальше и дальше, и вокруг нее царила мертвая тишина. Она прижалась к стене, не обращая внимания на боль, которая терзала ее разум. Ее заменяло то, чему она только что была свидетелем - удар, который нарушил порядок природы. Удар, порожденный не человеком.

Ее глаза инстинктивно отклонились в сторону, на фигуру, которая его принесла. Несмотря на то, что он стоял на тающем, красном снегу без рук, истекая кровью из зияющих дыр на плечах, он казался сверх высоким, сверх амарантиновым. Он дышал последним вздохом своей жизни, его глаза были лишь видимостью сознания, которое быстро угасало, его тело представляло собой разбитое, спутанное месиво крови и крови... но ее сердце и душа были потрясены и взбудоражены благоговением и ужасом, которые она испытывала только когда слышала голос Бога. Прежде чем она потеряла сознание от боли, которую ей еще предстояло ощутить, он успел наклонить голову в сторону и встретиться с ней взглядом. Он улыбался, поняла она. Улыбка, полная боли и в то же время надежды. Улыбка ужаса и в то же время удивления. Огня, убивающего, но рождающего. Ненависть, но прощение. Гнев, но спокойствие. И она улыбнулась в ответ. Улыбка, полная надежды. Улыбка, полная удивления. Улыбка, которая рождает. Которая прощает. Успокаивает. Ветры времени, сгибы костей и слезы крови... двое умерли.